

новы – этничность, имагологические аспекты международных отношений, отдельные аспекты влияния повседневности и т.д.

Таким образом, в условиях современного состояния исторической науки, когда осуществляется переход от изучения истории событий к исследованию истории состояний [3, с. 6] маргинальность эго-документов в истории международных отношений выглядит анахронично. При соблюдении разумного баланса необходимо расширение сферы их практического применения, и одновременно, теоретическое осмысление места источников личного происхождения в кластере источников истории международных отношений.

1. Биск, И.Я. Методология истории: курс лекций / И.Я. Биск. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. – 236 с.
2. Коломийцев, В.Ф. Методология историка (от источника к исследованию) / В.Ф. Коломийцев – М.: Росспэн, 2001. – 191 с.
3. Суржикова, Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) / Н.В. Суржикова // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург : АСПУр, 2014. – С.6–14.
4. Эннио Ди Нольфо. История международных отношений: методологические проблемы / Эннио Ди Нольфо // Уральский вестник международных исследований. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С.9–34.

Дубровский А.М.

СТЕНОГРАММА: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ С ИСТОЧНИКОМ

Стенографические записи разнообразных заседаний составляют заметный пласт источников по отечественной истории советского периода. В отличие от протокольных записей, стенограмма доносит живые голоса исторических персонажей, кипение страстей, степень напряженности собрания. Поэтому так важен анализ накопленного опыта, формулировка хотя бы некоторых итогов работы с этим источником. В центре внимания настоящей работы – новейшие исследования, в которых использованы стенографические записи.

В практике исследовательской работы давно известны стенограммы партийных съездов и конференций. Обращаясь к этим источникам, историки могли использовать только опубликованные тексты. Кроме того, в советское время возможность цитирования этих источников была ограничена, исходя из навязанного принципа «не давать трибуны идейному врагу». В последнее время в исследовательской практике при изучении отечественной истории XX в. наблюдается использование и стенограмм, взятых из архива, и материалов, которые их сопровождали. Интерес, который вызвали эти стенограммы, был настолько велик, что часть из них была опубликована. По содержанию заседания и стенограммы, их отразившие, в первом приближении могут быть разделены на две группы.

Первая – стенограмма доклада и его обсуждения. Примером такой стенограммы является стенограмма доклада М.В. Нечкиной 1941 г. «Почему Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития» и частично сохранившиеся материалы обсуждения доклада [5]. Ценность этой работы Нечкиной определяется тем, что она имела концептуальный характер и была представлена научному сообществу в ту пору, когда историки занимались формированием новой концепции отечественной истории. Для истории науки имеет значение и точка зрения докладчицы, и те соображения, которые были высказаны в ходе обсуждения доклада, тем более что среди выступавших были виднейшие специалисты того времени. Последующие высказывания Нечкиной о ее работе, рабочий дневник исследовательницы помогли восстановить картину созревания замысла и создания ее труда. Такого же рода отрывочные, но, тем не менее, ценные воспоминания оставили некоторые другие участники обсуждения доклада, что позволило реконструировать обстановку, в которой он прозвучал. А.М. Панкратова переслала в ЦК партии стенограмму доклада и его обсуждения. Там на полях доклада и стенограммы одного дня обсуждения Г.Ф. Александров сделал ряд пометок – вопросов, замечаний, графических значков, что позволяет говорить о реакции людей власти на происшедшее в Институте истории обсуждение. Видно, что эта реакция была более критичной, чем реакция историков. Позже в аппарате ЦК была составлена справка, в которой освещалось содержание доклада Нечкиной с идейно-политической оценкой позиции его автора.

Понятно, что М.В. Нечкина искренне и точно выражала свои воззрения в докладе, эта часть стенограммы достойна доверия. Выступавшие нередко осторожничали, находясь под давлением обязательного марксизма, здесь могла сработать боязнь сказать что-нибудь «не так».

В большей степени информативна стенограмма совещания историков в ЦК партии в 1944 г. и сопровождающие ее материалы: предшествовавшие совещанию и последовавшие после со-

вещания письма историков партчиновникам, записка Г.Ф. Александрова по итогам совещания. На совещании, правда, не был прочитан доклад, а вместо него перед историками партийные чиновники поставили вопросы для обсуждения. Поскольку власть совершала идеологический поворот, который к тому времени уже отразился на содержании устных высказываний отдельных историков, то здесь, как и в первом случае, в выступлениях участников собрания были сформулированы разные позиции и даже вспыхивали споры. Начиная с публикации стенограммы этого совещания и на протяжении ряда последовавших лет исследователи все глубже и детальнее изучали его содержание, обнаруживая все большее количество сопровождавшего ее материалов. Остановимся только на монографии А.Л. Юрганова, которая представляет последние достижения в этой области. Историк удалось обнаружить две стенограммы – правленую и неправленую, что открыло возможность сопоставления их друг с другом. При этом А.Л. Юрганов обнаружил в текстах выступлений интерполяции, которые были внесены авторами задним числом и то обостряли смысл этих выступлений, то, наоборот, смягчали их содержание в сторону «от слишком откровенных и личных обид к большей официальности и толерантности» [8, с. 299]. Еще ранее в литературе был отмечен тот факт, что наряду с выступлением можно было дать свои соображения в полном виде, отдав для составления стенограммы свою рукопись [3, с. 452]. Таким образом, не всякая стенограмма точно отражает происходившее на совещании историков. Интерполяции, с одной стороны, искажают подлинную картину, с другой, отражают ту позицию, которую тот или иной историк решил занять по зрелом размышлении.

Историки, работавшие с этими материалами, характеризовали личности участников совещания, группировали их позиции по идейному содержанию, опираясь не только на стенограмму, но и на письма А.М. Панкратовой, отмечали тон выступлений, поведение президиума собрания, силу впечатлений аудитории от того или иного прозвучавшего заявления, реплики, не попавшие в стенограмму, реакцию зала с обменом мнений, не попавших в стенограмму.

Вторая группа – стенограмма идеологических проработок. Они особенно были характерны для второй половины 1940-х гг., когда в стране развернулись политическая кампания борьбы с космополитами и сторонниками буржуазного объективизма в науке. По учреждениям прокатилась волна идеологических собраний. Именно в этих собраниях с особой тщательностью использовался ритуал, так как высказывания индивидуальной позиции здесь, по сути, не было, роли (обвинитель-обвиняемый) были распределены, содержание речей было трафаретным, разной была степень напряжения. Широко были использованы такого рода стенограммы в работе П.А. Дружинина [1, 2].

П.А. Дружинин определил жанр своей работы как «документальное исследование». Поэтому главным методом историк избрал реконструкцию событий путем широкого цитирования обычно впервые вводимых в оборот источников. П.А. Дружинин приходит к важным выводам, когда он сопоставляет стенограмму с другими источниками. В частности, он сравнил стенограмму заседания Оргбюро ЦК Коммунистической партии, конспективные записи одного из участников и мемуары другого, при этом были обнаружены сделанные стенографисткой изъятия и сглаживания [1, с. 84–85, 92–98]. В результате П.А. Дружинин сделал важный вывод: «Эта хрестоматийная стенограмма, даже на крохотных цитатах из которой, как на трех китах, базируется множество различных выводов и смелых предположений в обширной литературе вопроса <...>, не может приниматься как бесспорный источник точных слов оратора, а потому и все построения на ней должны рассматриваться с оговорками и особенностями, свойственными именно стенограмме, а не дословной записи» [1, с. 85]. Этот вывод должен быть учтен позднейшими исследователями темы, он важен и в широком источниковедческом плане как оценка степени достоверности любой стенограммы.

Когда читатель фундаментальной работы П.А. Дружинина знакомится только со стенограммой того или иного заседания, то в этом случае он может быть введен в некоторое заблуждение. Ведь произносимое на официальных собраниях имело характер ритуала, обязанности. Обвинение – покаяние – прощение; именно такого порядка ожидала власть в ходе политико-идеологической кампании от каждого обвиненного в идейных прегрешениях и, как правило, получала ожидаемое. Следовательно, оправдательные речи обвиняемых были лишены подлинной искренности. В основе лежал, прежде всего, страх – страх потерять должность, быть отлученным от любимой работы, лишиться доходов, что ставило вопрос о содержании семьи, поддержке родственников. Аналогичную природу имели и выступления обвинителей, которые не-

редко демонстрировали партийную принципиальность, идейную непримиримость и прочие ценные в ту пору качества, которые позволяли соответствовать занимаемой должности, сохранить авторитет в глазах руководящих органов и пр. Градус страха, конечно, был разным – от простого опасения до животного ужаса. Цитирование стенограммы без более глубокой характеристики действующих лиц, без анализа мотивов их поведения не дает понимания этой важной, внутренней, стороны происшедшего. Должности главы учреждения или его подразделений, члена парткома, секретаря парткома или его заместителя обязывали их исполнителей выступать с обвинениями. В большей степени внимание автора обращено к жертвам кампаний. Однако, достойна внимания и противоположная сторона.

Сам автор справедливо пишет о «спектаклях», сравнивает ход заседаний то с итальянской комедией дель арте, то с Колизеем, обрисовывает содержание ролей. Думается, эта мысль нуждается в углублении. Современники ясно понимали игровую природу критических выступлений с «идейных позиций». Достаточно указать на такой эпизод, как выступление в печати историка Л.В. Черепнина по адресу его старших коллег А.И. Андреева и С.Б. Веселовского, в свое время немало помогавших этому критику. Но они адекватно воспринимали произошедшее. По воспоминаниям А.А. Зимина, раскритикованные «говорили: “Мы все понимаем. Бедный Лев Владимирович. Пусть он не думает, что мы к нему что-нибудь питаем. Пусть заходит”» [6, с. 173–174]. Личные отношения и официальные, продиктованные политико-идеологической обстановкой, воспринимались современниками как совершенно разные. Игрой было также изображение покаяния. Содержание покаянной речи профессора В.М. Жирмунского на собрании 4 апреля 1949 г., его осторожная защита навели участников и организаторов этого избиения на мысль о том, что критикуемый по-настоящему не отказался от своих взглядов. То же можно сказать и о Г.А. Гуковском [2, с. 366–375]. Именно участием в игре, некоей искусственностью поведения, как кажется, можно объяснить отмеченное П.А. Дружининым волшебное перерождение некоторых гонителей и обвинителей образца 1940-х гг.: в более позднее время они вернули себе человеческий облик.

В послевоенных заседаниях, освещенных в рассматриваемом труде, обычно в речах выступавших звучала однообразная, типичная для своего времени риторика, набор словесных штампов из политического словаря. Целые абзацы текста выступлений по сути не давали ничего нового для понимания происшедшего. Поэтому возникает вопрос, стоит ли включать в работу широкое цитирование таких стенограмм?

Такие же стенограммы были использованы В.В. Тихоновым [6]. Автор имел возможность более глубоко проникнуть в обстановку. Поэтому он смог отметить не только то, о чем говорили выступавшие, но и умолчания, которые они допускали, объяснить позицию того или иного персонажа разбираемого действия, степень остроты его выступления.

Обозрение того опыта, который получили исследователи благодаря новейшим трудам, в которых использовались стенограммы, ведет к определенному и закономерному выводу – о сложности этой группы источников, об осторожности при работе с ними, о необходимости сочетать стенографическую запись с иными видами источников, а также с максимальной глубиной исследовать личности, чьи выступления зафиксировала стенограмма, ситуацию, которую она отразила. Для понимания характера выступления важно не только то, о чем сказал человек, но и то, о чем он промолчал, отводя удар от людей. Думается, неиспользованным резервом является лингвистический анализ стенограмм. Он должен дать картину развития политического новояза, рождения новых политических ярлыков.

1. Дружинин, П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы : док. исследование / П.А. Дружинин. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 1. – 592 с. : ил.
2. Дружинин, П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы : док. исследование / П.А. Дружинин. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 2. – 704 с. : ил.
3. Дубровский, А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии / А.М. Дубровский. – Брянск : Изд-во Брянского гос. ун-та имени акад. И.Г. Петровского, 2005 – 799 с.
4. Каганович, Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время / Борис Каганович. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. – 357 с.
5. М.В. Нечкина о причинах отсталости России : доклад и итоги дискуссии. 1941 г. / публ. : Артизов А.Н., Наумов О.В. // Исторический архив. – 1993. – № 2. – С. 210–216; № 3. – С. 176–201.
6. Судьбы творческого наследия историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. – М. : Аквариус, 2015. – С. 439 с.
7. Тихонов, В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука. Середина 1940-х – 1953 г. В.В. Тихонов. – М.; СПб. : Нестор-История, 2016 – 424 с.
8. Юрганов, А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма / А.Л. Юрганов. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2011 – 765 с.